

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 101 (4067)

Суббота, 15 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

СВОЕ ДЕЛО

Сергей ГРАХОВСКИЙ

Писатель хотя бы на несколько дней, пока отремонтируют насос, дать на объекты воду из не принятой еще комиссией водонапорной башни...

Писатель постарался, — говорили штукатуры. — Видно, не зря здесь ходит.

А вечером к нему в общежитие пришел бригадир бетонщиков Петр Блохин. — Поднялись: не было бетона. Еще вчера в бетономешалке сломалась шестеренка и никто не побеспокоился ее заменить. Пролетайте, пожалуйста, разглядываю из бетонного узла хотя бы в нашей многотиражке, — прямо с порога начал бригадир.

Писатель сразу же отправился к секретарю партийной организации треста. Были мобилизованы снабженцы, клановщики, механики, и утром вторая бетономешалка работала на полную мощность, а строители хохотали, читая в многотиражке едкие стихи, посвященные мастеру растворного узла Кондратьеву.

НА ЗАВТРА писатель пришел в бригаду Владимира Рудникова. На вопрос: «Где бригадир?» — парень в военной гимнастерке без погон ответил: — Его вызвал прокурор.

— Где же это он набедокурил? — Он у нас тихоня... Мамашу высылает из общежития: жила она временно в свободном общежитии, а теперь в нем открывают пионерский лагерь, а старуха уперлась и не хочет уходить.

Все оказалось значительно сложнее. Перехала Надежда Александровна к своему единственному сыну, а жилья для семейных еще нет. Вот и поселилась в свободном общежитии до открытия лагеря. А теперь куда деваться?

Делами матери бригадир занялся приезжий писатель. До заселения нового дома ее временно поместили в просторную комнату, подвели свет, жилищно-коммунальный отдел дал необходимую мебель, электроприборы и даже картины на стену.

Секретарь парторганизации треста и начальник УНР гарантировали ей и сыну отдельную квартиру в новом доме в первую очередь. Ведь она была первой матерью, приехавшей в новый город нефтянцев.

ТЕПЕРЬ писателю незачем ходить с блокнотом и записывать анкетные данные отличившихся строителей. Они сами идут к нему со своими радостями и горестями, сомнениями и замыслами. У него уйма дел. А в свободное время все интересные беседы и встречи, мысли и высказывания новых друзей он заносит в свой дневник и пишет невдуманные стихи. А когда не пишется, он не жалует о прожитом дне: кому-то он сегодня помог, за кого-то хлопотал, кого-то приободрил добрым словом или советом, прошел по новостройке в качестве экскурсовода с группой юных туристов из далекой сельской школы. Он счастлив, видя в этом свой гражданский вклад в большую жизнь народа. Он приобрел множество больших и искренних друзей, с которыми и жить, и работать легко и радостно. А это — самое главное дело в жизни писателя, находящегося в творческой командировке.

Улица строителей

ГЛАВНЫЙ ВРАЧ удивился:

— К одному больному сразу 48 посетителей? Не могу пропустить.

Невысокий человек в светлой шелковой рубашке вздохнул: — Мы по одному, доктор! Каждый на минуточку...

— Да почему же все-таки целый сорок восемь? — рассердился врач.

— Мы — коммунистическая бригада, — сказал Михаил Акимов. — Я бригадир. Трудимся вместе и семейные праздники справляем вместе. А если заболел кто, — каждый хочет товарища навестить...

Только теперь доктор вспомнил, где он видел этого темногозлого молодого парня. Михаил Акимов! Один из лучших строителей Крыма. Газеты печатали его портреты, писали, что в прошлом году ко Дню строителя ему вручили орден Ленина.

— Это вы построили за 69 дней шестидесятичетырехквартирный дом? — с интересом спросил доктор.

— Мы, — подтвердил Акимов.

Доктор взглянул в окно. Во дворе стояли строители — целая толпа друзей больного.

— Ладно уж! Но смотрите — каждый по минуте!...

...Вот так вместе делит все радости и горести комплексная бригада коммунистического труда Ялтинского строительного-монтажного управления № 35. Люди работают вместе вот уже почти семь лет. Сложился свой незыблемый традиция, привычки, свой стиль жизни. Целые улицы воздвигли акимовцы. Построили дома из крупных акимов. И на каждом этаже — отдельные квартиры: однокомнатные, двухкомнатные, трехкомнатные.

Недавно акимовцы выстроили десять четырехэтажных домов на бывшем ялтинском пустыре. Улицу назвали Квартирой. В чудесных домах получили квартиры и сами строители. А была в гостях у бригадира. Две комнаты, просторная кухня, ванная, два балкона, уютные виноградом. На кухне, прелюбованной в уютную семейную столовую, пока нет газа. Но он скоро будет.

— Не думайте, что только у бригадира такое жилье, — шутит Михаил. — Двадцать членов бригады живут так же, как и я.

— Двадцать? Но ведь в бригаде сорок девять человек!...

Михаил откровенно смеется: — Не жеманит еще остальных. Холостики в общежитии живут.

— Сколько платите за квартиру? Жена Акимова машет рукой: — Пустяки! Михаил зарабатывает около двух тысяч, а квартира обходится нам вместе с платой за электричество около шестидесяти.

В общежитии ребята вовесть тридцать рублей платят, — замечает бригадир. — А ведь там и постельные белье полагается, и радио, и постоянно горячая вода имеется... ЯЛТА. (Наш корресп.)

В честь народного Китая

К десятой годовщине Китайской Народной Республики в Москве, Ленинграде, во всех столицах союзных республик, в Новосибирске, Иркутске, Чите, Улан-Уде, Владивостоке, Благовещенске и Хабаровске организуется два фестиваля китайских фильмов.

25 августа откроется фестиваль хроникально-документальных и научно-популярных кинолент. На советских экранах впервые будет показан цветной широкоэкранный фильм «Солнце восточной страны» — совместная постановка кинодокументалистов Китая и СССР. В эти же дни советские зрители познакомятся еще с одиннадцатью новыми документальными и научно-популярными картинами наших китайских друзей.

Фестиваль художественных фильмов намечено провести с 29 сентября по 5 октября. Мы увидим цветную широкоэкранный картину «Ветер с востока» — совместную постановку китайских и советских кинематографистов, — и еще восемь новых художественных кинокартин Китайской Народной Республики, а также лучшие китайские фильмы прошлых лет.

Товары населению

В КРЕДИТ

На днях правительство приняло решение организовать в городах продажу рабочим и служащим в кредит радио и радиоприемников высшего, первого и второго классов, фотоаппаратов, велосипедов, мотороллеров, мотоциклов, лодочных моторов, швейных машин, охотничьих ружей, наручных часов, одежды из шерстяных и шелковых тканей.

Советам министров союзных республик предоставлено право изменять и дополнять перечень товаров, предоставляемых в кредит. Приобретать товары в кредит, покупатели будут вносить наличными 20—25 процентов стоимости покупки, а остальную часть оплачивать в течение 6-ти и 12-ти месяцев.

Продажа товаров населению в кредит начнется в ближайшее время.

Воя и клякушество, идет толпа к чудотворной Мадонне; Кабирия присоединяется к шествию. Кругом иступление фанатизма, но когда калек отбрасывает костыли, поверив в исцеление, он валится на грязный пол. А кругом — лавка: реклама «избавления от недугов», продажа реликвий, обмен, коммерция.

И даже темное, несчастное существо, бессильно поверить в эту надежду, выплетенную из грубо раскрашенного палье-маше. Но человек не может жить без надежды. Кабирия вновь полюбила. И опять ее путь лежит к реке, и еще раз только сучком с деньгами — предмет интересов жениха.

Феллини не объясняет несчастья Кабирии какой-то особой жестокостью людей, попавших ей на пути. Так устроена жизнь.

Н. БОЛОТНИКОВ

Новые знакомства, новые встречи приносит каждый день Московского международного кинофестиваля. На нашем снимке (слева направо): Роман Кармен, мексиканская киноактриса Росита Кинтана, Ирина Слюбова и режиссер Иван Пырьев.

Фото М. Михайлова

ПУТИ ХУДОЖНИКОВ, СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

Григорий КОЗИНЦЕВ

НЕСКОЛЬКО месяцев назад, проезжая по площади Антверпена, я обратил внимание на высокий шест: неизвестный мне флаг развевался по ветру.

Переводчик объяснил: рано утром поднимается этот знак: если в городе происходит автомобильная катастрофа, — полотнище спускают. Каждый проезжающий шофер видит: случилась авария, есть жертвы.

Это хороший обычай. Его можно было бы использовать и в других областях. Было бы неплохо на крышах кинотеатров поднимать такой вымпел. Если прохожий увидит только шест и веревку, — значит, шел плохой фильм, в зале — «жертвы».

Идет Московский международный фестиваль, и мне кажется: флаг успеха развеялся над крышей фестивального кинотеатра уже не однажды.

Кинематография ведет летопись времени, передовые художники, заинтересованные не в прибылях и сенсации, но в жизни своего народа, рассказывают о ней с экрана. Эти художники мы рады увидеть многих из них в своей среде — стремятся не только развлекать людей, но и помочь им жить.

Огонь искусства, освещающий жизнь и согревающий людей, разгорается в кинематографии так же, как и в других видах творчества. Только этот огонь способен превратить технику в образы. Напрасно историки кино пишут, что кинематографию создали монтаж и крупный план. Кино стало искусством, когда в нем отразилось время, появилась человечность.

Конечно, «огонь» и «тепло» — самые общие понятия. У каждого художника действительность отражается, освещается особенностями его таланта, и «тепло», которое нередко обжигает его, не надо путать с «теплотой».

ЖЕСТКИЙ и странный свет вырывает из тьмы грязных окраин италитянского города жестокие и причудливые образы «Ночи Кабирия». Режиссер Федерико Феллини создает на экране страшный мир. Среди лагул и мусорных ям ютятся проститутки.

Одна из таких девок — Кабирия — полюбила. Но предмет ее чувства, узнав, что она скопила несколько кредитов, отбрасывает у нее сумку с деньгами, а саму Кабирию сталкивает в реку. С этого начинается история жалкого существа, которому кажется, что судьба еще может стать иной. Конечно, это иллюзия.

Однако немало странных происшествий случается на ночных улицах. При неоновом свете можно увидеть причудливые случаи, невозможные совпадения. Одно из таких происшествий волею в своейход и Кабирию. Модный киноактер сорится с любовницей. Причуда заставляет его — не то от обиды, не то по контрасту — помянуть замарашку, шляющуюся по панели.

Феллини рассказывает эту современную сказку со всей ее обстановкой: модные смокинги и бальные туалеты, блестящая машина и обаяние миллионера. В этот мертвый парад дорогих вещей и скачущих людей попадает уличная девка.

Сказка заканчивается мгновенно. Любовница, вернее, ампула «возлюбленной» — душевное, изысканно обреченное существо с рекламой духов или губной помады, придаток к машине, особняку и шкафу с туалетами — прощает провинившегося героя, и, закрывая в ванной комнате, Кабирия возвращается к реальности. Она получает кредитку и ее тонкий поскоре вон из этой мечты, куда она пошла по странному совпадению обстоятельств, случившемуся иногда на пересечении улиц больших городов.

Но как жить без надежды? Может быть, те даст вера? Воя и клякушество, идет толпа к чудотворной Мадонне; Кабирия присоединяется к шествию. Кругом иступление фанатизма, но когда калек отбрасывает костыли, поверив в исцеление, он валится на грязный пол. А кругом — лавка: реклама «избавления от недугов», продажа реликвий, обмен, коммерция.

И даже темное, несчастное существо, бессильно поверить в эту надежду, выплетенную из грубо раскрашенного палье-маше. Но человек не может жить без надежды. Кабирия вновь полюбила. И опять ее путь лежит к реке, и еще раз только сучком с деньгами — предмет интересов жениха.

Феллини не объясняет несчастья Кабирии какой-то особой жестокостью людей, попавших ей на пути. Так устроена жизнь.

Н. БОЛОТНИКОВ

истории двух школьников, выросших в возмужавших в эпоху возникновения и гибели фашизма.

Новый век появляется на экране в образе допотопной техники: воздушный шар должен взлететь в день праздника с поля провинциального городка; бордавый аэроплан — прямо с неба — бросит венок к ногам кайзера. Торжественный церемонал несколько нарушается мальчишками, путающимися под ногами распорядителей.

Обрезают канаты; шар взлетает. Аэроплан высматривает из мешков балласт песок; внизу орут «Хох!». И песен слышится прямо в широко раскрытые рты чиновников муниципалитета. Шар набирает высоту. Неожиданно из-под воздушного шара вылетает забравшийся в корзину мальчишка. Скандаль не успевает начаться: ветер меняет направление, приходится выпускать из баллона газ, идти на посадку. Венок не удалось сбросить.

Это — вступление. Суть в том, что нашодивший мальчишка, понимая, что придется отвечать за промазы, врст учтиво. На стенке класса — картина, изображающая кайзера. Враки юного луна оживают в раме этого портрета. То, что должно было произойти согласно расписанию праздника, показывается в карикатурной форме. Усаый Вильгельм благодарит школьника, тащащего к стопам императора венки.

Первая доля начинается историю возвышения Бруно Тихеса.

Смысл в том, что это не детское вранье, но казенная, парадная брехня. Бруно лет в формах официального пафоса; именно это обеспечивает успех.

На экране — история двух приятелей. Ганс Беккель хочет учиться, быть честным, трудиться, выполнять свой долг. Бруно Тихес стремится к легкому пути. Его характер сформирован семейкой, расцветающей в пору инфляции. Мамаша, прижившая детей от различных, смутно вспоминаемых отцов, открыла ночной баб. Дети выросли и эрже не терпят времени: дочери разносят напитки, загрызают с шибалами; один из сыновей — немалый танцор, сутенер. Здесь торгуют кожаном, любовью, не зная слова «труд», но занятые «делами». В муть этого ночного кабака и образует характер Бруно Тихеса — будущего национал-социалиста.

Его одноклассник Ганс Беккель учится, влюбляется, мечтает стать доктором философии.

Бюргерская глушь, чиновничье захламление — вся эта, нарочито показанная ограниченность пространства и мысли, образная среда начала фильма сменится историческими событиями. Ужас в том, что эта ужасающая ограниченность грозит заполнить мир.

Пианисту в оркестровой яме теперь нужны только марши. Грохот барабанов и рев труб готов перейти в вой пикирующих бомбардировщиков. Из среды патриархальной кайзеровской провинции, из притонов времен инфляции, из монашеских пивных вырастает порода рослых молодыхчиков. Они примеряют коричневые рубашки и застегивают на ногах краги. Началась карьера штурмовика Бруно Тихеса. Кончатся благополучные дни Ганса Беккеля.

Отлично поставлена сцена собрания в редакции газеты. Объявлен «новый курс». Сотрудники выстраиваются в шеренгу. С грохотом печатая шаг, прохордят ноги в сапогах, начивенных до блеска. Шелкают каблуки. Замирает строй. Голос рявкает: «Начинаем собрание работников умственного труда».

Умственный труд замер, выровненный солдатским строем. В позиции «мирно» стоят доктора философии, писатели, журналисты.

Кончилась работа Ганса Беккеля, не умеющего выростить руку, крикнуть: «Хайль Гитлер!» Доктор стал теперь упаковщиком в магазине.

(Окончание на 3-й стр.)

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

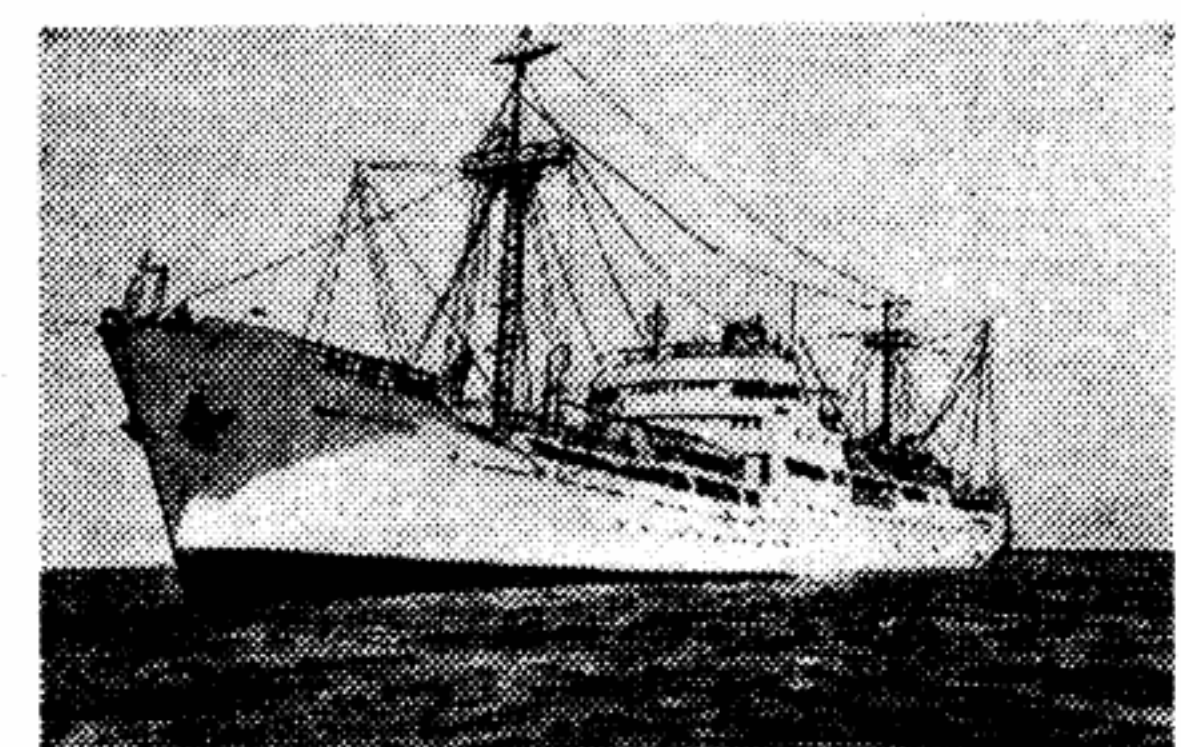
- ☆ Г. Козинцев. Пути художников, судьбы героев.
- ☆ Конст. Федин. Костер. Глава из романа.
- ☆ С. Граховский. Свое дело.
- ☆ «Литературная газета в Сибири: А. Письменный. Очерк об Ангарске; Вадим Шефнер. Новые стихи.
- ☆ Л. Лиходеев. Гибель сенсации. Фельетон.
- ☆ Г. Макогоненко, Вл. Орлов, И. Эвентов. Недоступные приемы.
- ☆ Бор. Ефимов. Бидструп в Китае.
- ☆ В защиту Манониса Глезоца.

МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ СМОЛЕНЩИНЫ

В Смоленской области много начинающих литераторов — рабочих, колхозников, сельских интеллигентов. Фельдшер из деревни Булаево Жатского района Н. Петровский — автор песен и частушек, вошедших в репертуар хороших кружков и агитбригад рабочих Сафоновской шахты № 2 К. Каверенков часто выступает в местной печати со своими рассказами.

На днях в Смоленске состоялось областное совещание начинающих авторов. Из городов и сел области съехало свыше 80 поэтов, баснописцев, авторов малых драматургических форм. Был обсужден вопрос о создании репертуара на местные темы для агитационно-художественных бригад. Участники совещания встретились со смоленскими писателями.

«Михаил Ломоносов» идет в Атлантику

На днях от причалов Рижского порта вышло в шестой атлантический рейс экспедиционное судно Морского гидрофизического института Академии наук СССР «Михаил Ломоносов». Мы публикуем заметки нашего корреспондента — участника экспедиции.

ПЛАВАНИЕ «Михаила Ломоносова» началось...

Когда-то, на заре становления молодого Советского государства, В. И. Ленин подписал декрет о создании «Лаворинии» — плавучего морского научного института. Декрет этот преследовал цель — сочетать комплексное научное исследование северных морей с практическими задачами мореплавания по Северному морскому пути. Родиональным советского научно-исследовательского флота был «Персей» — небольшая деревянная парусно-паровая шхуна. Но сколько ни мал был «Персей», его плавание положило начало ряду блестящих открытий. Под его флагом выросла плеяда видных советских исследователей, обогативших мировую науку о море.

Сейчас советские исследовательские суда можно встретить чуть ли не на всех морских широтах — от Арктики до Антарктики. Кто не слышал в наши дни названий кораблей «Витязя», «Экватора», «Северостропа» или единственного в мире неагитационного судна «Заря», плавящего под бело-синим вымпелом Академии наук СССР? — «Михаил Ломоносов» — большое океанское судно водоизмещением около 6000 тонн. В существе, это плавучий институт с экспериментальной мастерской, шестидесятью хорошо оборудованными лабораториями, новой научной аппаратурой отечественного производства и штатом квалифицированных специалистов.

Судно построено в 1957 году в Германской Демократической Республике на верфях в Ростке. Средняя скорость его — 13 узлов, дальность плавания — около 11 тысяч морских миль. Это значит, что «Михаил Ломоносов» может находиться в море без захода в порты в течение 30 суток. С помощью глубоководной лебедки судно может стоять на якорю на глубинах до 10 километров — преимущество, очень важное для исследования самых глубоких впадин земной коры. Гидрологические лебедки, глубоководное траловое устройство, золоты-самосисты и другое научное оборудование последних моделей позволяют ученым вести самые разнообразные исследования толщи

океана, морского дна, атмосферферы. В составе экспедиции — 65 научных сотрудников. Среди них — видные ученые и молодежь, делающие первые шаги в науке. Экспедицию возглавляет доктор физико-математических наук профессор А. Г. Колесников. Судно ведет капитан дальнего плавания Ю. А. Шольцев. Сейчас на корабль-институт бороздит воды Балтики. Из Балтики «Михаил Ломоносов» выйдет в Северное море, проследит вдоль южных берегов Англии в Атлантику. От Азорских островов судно возьмет курс на Нью-Йорк, куда прибудет в последних числах августа. Там, в здании ООН, 31 августа откроется Международный океанографический конгресс, в работе

Вадим ШЕФНЕР

СИБИРСКИЕ РЕКИ

Есть реки — воды не замутят, — Смирны, как мирные пони. А эти на Север бегут, летят — Большие, вольные кони.

Бегут к океану во весь опор. Не ищут легкой дороги. Бока обдирают о кручи гор. Копытами бьют в пороги.

Горами, тайгой, среди долинных трав, Как испуганные волки, Притоки мчатся, — чуть поотстав, — За реками-вожаками.

За ними след — табуны, косяки... Скачут по перекатам Притоки притоков и ручейки — Резвые жеребята.

...А старшие реки бегут вперед, Силы полны гигантской. — Торопятся гривы сибирских вод Водой омыв океанский.

Их пена — ответ ясной заре, Глубины — темнее мрака... Попробуй, — вверху таких, усмир!

Взнуздавают, однако.

СКОЗЬ таинные дебри Восточных Саян прокладывается новая железнодорожная трасса Сибири: Абакан—Тайшет. Она пройдет по горным кручам, над бурными реками. Вот река Назыр. По берегу ее скоро проложат стальной путь. Этот участок трассы разведен в 1942 году инженерами Александром Кошуриным, Алексеем Журавлевым и Константином Стофато. Возвращаясь из экспедиции по реке Назыр, уже покрытой первым льдом, инженеры героически погибли в борьбе со стихией. Только через год был найден дивизион, который А. Кошуринов вел до последнего своего часа. Уцелевшие материалы экспедиции Кошуринова обогатили дальнейшую разведку трассы. В память героев три станции новой дороги названы их именами — Кошуринов, Журавлево, Стофато. Недавно Новосибирскому институту «Сибуртранс» передано более шестидесяти ранее неизвестных документов, дополняющих славную историю экспедиции А. Кошуринова. Останки А. Кошуринова, найденные рыбаком Степановым, похоронены на берегу Назыра. Скоро по новой трассе пройдет первый поезд. Фото М. Трахмана

ФЕЛЬТОН

ГИБЕЛЬ СЕНСАЦИИ

СТАЛО известно, что знаменитая кинозвезда Тутти Кланги была признана красавицей номер один атомного века. Ее экстерьер пострадал от космического излучения.

Одновременно было установлено, что дамам необходимо носить бюст номер четыре. Это — мода атомного века.

Еще две-три такие новости, и наша бедная Земля будет вышвыблена из своей орбиты.

А я ничего такого даже не подозревал. Меня информировали об этом некоторые наши отечественные девочки и мальчики, которые пристально следят за экстерьерами кинозвезд.

Они не знают ни одной звезды на небе. Напрасно небесные светила уносятся перед ними, подмигивая и кричась. Напрасно далекие и близкие миры пытаются обратить на себя их внимание. Ничего не выходит. Для того чтобы это небесное пламя достигло канх-нибудь результатов, необходимо, чтобы каждая звезда была отмечена клеймом «made in заграница».

Необходимо, чтобы на старой Луне появились импортный штемпель. Необходимо, чтобы Дева из одноименного созвездия объявила, что отныне носит модный бюстальтер, а Орион переменяет свой устаревший пояс на пояс «хула-хуп». Необходимо, чтобы настоящие звезды брали пример с кинозвезд.

Иным отечественным мальчикам и девочкам неинтересно смотреть на небо. Им интересно, сдвигая друг друга лбы, наваливаясь на заграничную картинку, на которой атомная красавица показывает тридцать два зуба и две ноги — величайшее достижение человечества.

Подобно тому, как немец выдумал обезьяну, американец выдумал кинозвезду. Надо сказать, что, кроме кинозвезды, американец выдумал также конвейер. Но это прошло как-то незамеченным. В то время, когда американские инженеры помогали нам строить Днепростанцию и сталинградский Тракторный завод, ныне уже забывшиеся мальчики и девочки носили брюки чарльстон. Такова была заграничная мода.

Потом наступило время, когда миллионы сапог месили кровавую глину и двадцать, и тридцать, а иногда и сорок новых советских граждан, а в ясли они не все могут понасть.

Обычные ясленки в городе: счастливые родители ждут очереди, чтобы определить в ясли свое чадо, — у мамы есть специальность, она хочет трудиться, а не сидеть дома в качестве домохозяйки. Увы, свободного места в яслях приходится ждать два-три года. Когда, наконец, приходит очередь, то выясняется, что малышка пора определять уже не в ясли, а в детский сад. Однако детские сады в городе не больше, чем ясли. Чтобы понасть в детский сад, нужно также ждать очереди, потому что места заполняются ребятами, которым не повезло раньше понасть в ясли. Так и ждут папа и мама своего чада, пока ребенок не подрастет настолько, что идет прямо в школу.

Школа, слава богу, в Ангарске хватает на всех. На жалобы, поступающие от жителей Ангарска, областные работники обычно отвечают: — Товарищи, в прошлом году вы построили 13 детских садов. В Иркутске за это время построено всего 5. Побойтесь бога, куда вы еще?

Но жители Ангарска знают: бога нет, и они не желают считаться с нормами. Они малыши, счастливые: они влюбляются вопреки плановым развлекаткам, женятся и рожают детей.

И, честное слово, совсем не плохо, что они именно так и делают. Какими бы нормами градостроительства ни руководствовались проектировщики, видно, им придется все же пойти на то, чтобы удовлетворить потребности жителей Ангарска в детских яслях и детских садах.

Пусть побольше маленьких сибиряков рождается в новом городе Ангарске! Это для них протоптавали путь поколения русских революционеров.

Иркутск

МОСКВА. Шоссе Эн-тузиастов, в прошлом знаменитая Владимирка. Здесь когда-то начинался скорый путь лучших сынов России.

Поговорим об Ангарске

Красноярск. Один из крупнейших заводов. На цеховой стене мраморная доска: «Здесь пересечен тракт «Великий сибирский каторжаний путь».

Город Ангарск. Улицы распланированы прямогольниками, как в Ленинграде. И в другом от них — Московская — заменилась, точно пешеходная тропа. И дома по обе стороны ее, как бы случайно поставленные вдоль проселка. Нет, это не ошибка архитектора. Московская улица в Ангарске — конец Владимирки. На коротком участке она повторяет направление канального тракта. Он проходил здесь в глухой тайге, и архитекторы увековечили его в городской планировке, как отмечают памятниками великие свершения.

Поговорим об Ангарске, городе красивых, «ленинградских» домов, в которых и центральное отопление, и газ, и постоянная горячая вода. Он возник в наши дни в глухой тайге на скоромном пути неспящих русских революционеров. И каждый раз, когда подумаешь об Ангарске, кажутся значительными и символическими все эти сопоставления.

АНГАРСК — город высокой строительной индустрии и самой высокой рождаемости в стране. В Ангарске дома не рубят, не складывают и даже не строят, их штампуют и сваривают.

Поговорим о домах, о тех, кто их строит, кто в них живет, и о тех, кому предстоит жить в будущем.

Просторный цеховой пролет. Перегородки в человеческий рост, за ними горят красивые лампочки: входа нет, идет электропрогрев!

Получение крупных бетонных панелей — дело не новое. Обычно требующаяся тепловая обработка изделий ведется в автоклавах. В Ангарске отказались от автоклавов — дефицитных и дорогих аппаратов. Пропарка под давлением в автоклавах здесь заменена равномерным электропрогревом при нормальном давлении.

Самопишущие автоматические приборы следят за процессом. — пока в больших металлических опоках, точно это не бетон, а какие-нибудь чугунные изделия, отливается часть будущего дома.

Материал для «ангарского» бетона имеется в изобилии, местный, бросовый, материал — зола расположенной рядом тепловых электростанции. К ней добавляется цемент, известняк, немного гипса и алюминиевой пудры.

Алюминиевая пудра, вступающая в реакцию с цементом, образует водород, бетон вспучивается, растет, как на дрожжах, плотно заполняет все пространство опок — формы, и через строго регламентированный срок на белый свет появляется целая стена из газобетона с впрессованными в нее оконными проемам, покоем и некими особыми металлическими пластинами.

Вот они стоят в конце цеха, части будущего дома — стены с окнами или дверями, лестничные марши, балконы с железной решеткой.

На строительной площадке края ползет готовую деталь — ее нужно только побелить или окрасить обоями, она отформована с точностью сочленений до 2 миллиметров, — сварщик сварит металлические пластины, и через 21 день жилища могут въезжать в трехэтажный дом на 12 квартир.

При массовом изготовлении квадратный метр жилой площади в крупнопанельном типовом доме из газобетона обходится не дороже 900 рублей. Шакоблочный завод в Ангарске может в месяц выпустить четыре дома.

Строятся в Ангарске и другие дома. Город растет непрерывно. Запроектированы новые в строительной практике дома из крупных шлакоблоков на 16 квартир каждый. В квартире — два этажа, 16 квартир, 16 дверей по фасаду. Внизу — столовая, кухня, санузел. Наверху — две спальни. Перед входом в каждую квартиру — маленький палисадник. Удобно, красиво, дешево. За счет ряда усовер-

шенствований, облегченного фундамента, совмещения потолка и крыши квадратный метр жилой площади в таком доме обходится чуть ли не вдвое дешевле, чем при обычном многоэтажном строительстве.

Но главное и здесь — материал свой, местный.

Вы идете по Ангарску, усаженому лесными, украшенному бульварами и цветниками. Вы видите почтаком с высоким шпильем, напоминающим Адмиралтейскую иглу в Ленинграде. Перед вами — большие магазины, кинотеатры, благоустроенные дома. Посмотрите, вон дворец культуры — он не уступит лучшим дворцам в областных городах... А мысль, одна и та же мысль не покидает вас: этот город возник среди вековой тайги на том месте, где столетиями шли на каторгу борцы за народную свободу.

Весь Ангарск — памятник их великой борьбе.

НЕДАВНО Ангарску исполнилось 10 лет. В Большой Советской энциклопедии о нем говорится в дополнителном томе. Но среди городов, возмозжит за последние годы, Ангарск — самый крупный. К концу семилетки в нем будет 200 тысяч жителей.

Ангарск, как и Ленинград, — город без окраин. Въезжая в Ленинград по Московскому шоссе, вы попадаете сразу в современный город с высокими зданиями, широкими проспектами, асфальтом и цветниками. Так же сразу открывается и Ангарск.

Примечательно сложилась история его заселения. То ли кто-то написал в газете, что каждому приезжему дают в Ангарске квартиру, то ли сказались элемент романтики, — сощород, возникший в тайге, новизна великого будущего, — только в Ангарск потянулись люди, не очень привязанные к своему старому жилью.

Конст. ФЕДИН

Костер

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Трилогия Конст. Федина, начатая романом «Первые работы» и «Необыкновенное лето», заканчивается романом «Костер», над которым автор продолжает работать. Действие романа протекает в 1941 году, охватывая начальное полугодие Великой Отечественной войны.

Печатаемая глава взята из первой части романа, которая мноими сторонами касается более чем двадцатилетнего периода между событиями «Необыкновенного лета» и вторжением фашистских армий в Советский Союз.

Утром первого дня войны Кирилл Извеков проводил с тульского вожака в Москву своего дядю Надю, только что окончившую ясноволжскую школу. За день до того его жена, актриса Анна Улиана, улетела на гастроли в Брест. Извеков, узнавший о грядущем событии, вызван в обком партии.

Как много вмещает в себя минута воспоминаний! Она похожа на короткий взгляд, брошенный с горы на огрестность: видишь сразу леса, поля, речную пойму в дугах, дорогу, то исчезающую в зарослях, то лентой перетиравшуюся вгоры, строения под одиночными деревьями и крыши в садах, и все это — в сумраке теней и бликах света, все в красках, движениях людей, машин, животных, и все, кажется, обернулось туда, куда торопится охвативший пространство ветер. Беспорядочно смешанные подробности зренье улавливает в один миг, связывая их в целое.

Так в быстрых подробностях и в один миг вспоминал Извеков множество событий, предшествовавших его приезде в Тулу, едва только вышел за налитку и заметил беспечную струйку воды, которая вылилась из края колонки на перекрестке улиц. Память искрами вынырнула из прошлого важное и ничтожное, далеко ушедшее и недавнее, и все это вылилось вокруг одного стержня, как падающая струя воды.

Всего несколько минут хода — предстало Извекову до обкома. Он торопился. Еще звучал в ушах голос радио,

Потянулись в Ангарск демобилизованные офицеры, пенсионеры, желающие провести оставшиеся годы в хорошем городе. За один какой-то год в Ангарске прибыло 674 пенсионера с чадами и домочадцами.

Года два-три назад, действительно, еще так было немного жителей в Ангарске, а жилищное строительство уже развернулось так широко, что нужно было подкладывать приезжому месяца три — глядишь, и получает квартиру. Теперь положение изменилось, квартир давно уже не хватает, а желающих жить и работать в Ангарске много. И главным образом — молодежь.

Ангарск — город молодежи. К сожалению, это обстоятельство не было учтено проектировщиками. Они строили Ангарск просто как рабочий поселок. Поэтому ясли, детские сады, кинотеатры, бани создавались здесь по общепринятым нормам. Ну, бани в Ангарске хватает — в каждой квартире своя ванная. А вот остальных сооружений маловато. Положение по общепринятым нормам на тысячу жителей десять мест в яслях — так в Ангарске и строили. Соорудили три кинотеатра, и отличных, но мест на всех не хватало. Чтобы понасть иной раз на сеанс, билеты приходится покупать за сутки. Процент людей с высшим образованием в Ангарске раза в три выше, чем в Иркутске, университетском городе. А музыкальная школа помещается в квартире обыкновенного жилого дома.

Когда стало выясняться, что Ангарск — не рабочий поселок, а крупный индустриальный центр, кое-что пересмотрели, достроили. Но многое осталось здесь по-прежнему.

Деторождение в Ангарске не соответствует нормам застройки, вот какая беда! Здесь чуть ли не ежедневно играют свадьбы, каждый день на свет является

порог изнеженного дома. Разве мог Кирилл пожелать, чтобы это бремя ему облегчила мать своими старыми плечами?

...Он вспомнил, как однажды померкли от горечи всегда ясные его глаза. Это было все тот же случай, который своротил жизнь Извекова с большака на проселок. Когда он сдал дела завода своему преемнику и переехал домой, он взялся очищать свой стол от накопившихся бумаг. Тут были наброски размещения станков по цехам, карандашные эскизы разных чертежей, черновики докладных записок, планы жилых домов для рабочих. Он думал — могут найтись документы, нужные заводу, однако бумаги оказались ему отнюдь не веком хламом. Он решил все сжечь. Но тут мать позвала его ужинать.

Они сидели вдвоем — дочь возвращалась из школы поздно, жена была в отъезде (Кирилл ждал ее на другой день). Он спросил: — Ты, мама, все еще бережешь мои письма с фронта и разную разность? — Даше твои ученические тетрадки, — ответила она с гордостью.

Не добавивши к ним кое-что из бумажек времен злейшей моей работы? Нежного подождав, она спросила: — Что-нибудь случилось? — Он взглянул ей в лицо и опустил глаза.

Он не мог спокойно видеть, как спрямились в спичку побелевшие ее губы и темнел свет ее взора.

— Ты прости, что я молчал до сих пор. — Думаешь, я ничего не замечаю? Он заставил себя вновь посмотреть на мать и улыбнуться.

— Нет, не думаю. — Скрывать тяжелее, чем сказать — опять повременяла, выговорила она. Он рассказал, что с ним произошло. Она ни разу не прервала его. Она настолько ушла в слух и затылки, что ему стало казаться — он вместе с ней начинает слышать удары ее сердца.

Едва он кончил рассказ, мать поднялась и подошла к нему. Она провела по его голове ладонью, потерла, помяла густые волосы, как делала в его детстве — своим учительским, прибородривающим движением, потом по-матерински двинула его лицо к себе в грудь и, все еще молча, вернулась на свое место.

Его голова горела, он ничего не мог сказать, а только пожал плечами и со странной, мерцающей улыбкой глядел на мать.

— Ты обманулся, Кирилл. Но сам ведь ты никого не обманывал. Это главное, — сказала она.

Лицо ее уже прояснилось, и чуть-чуть выступившие слезы жарче осветили взгляд.

— Аночка еще не знает? — спросила она. — Я скажу ей завтра. — Конечно, в письме этого не опишешь, — рассудительно сказала мать. — А переждать нам с тобой не привыкать. — Не в переезде дело. — А в чем? В работе? Пользу людям ты делал на всякой работе. — Он не ответил и встал. Она озабоченно потрогала посуду у ужином: — Все остыло, Я подогрелю. — Оста, я не хочу. Принеси мне, пожалуйста, чаю. — Он пошел к себе, но обернулся и почти с веселой усмешкой сказал: — Я, мама, все-таки дам в твой заветный архив кое-какие планы жилых домов. Теперь ведь я — по коммунальной части.

Мать хорошо знала его снуд, но знала также, что любая сила питается своими источниками, а неисчерпаемых источников нет. Их должно быть поэтому много. И она щедро расходовала себя на семью сына и на него самого. Она была лоном ключа, чистого, неприязнательного, как все в природе: ни разу в жизни Кирилл не заметил, чтоб она чем-нибудь таготилялась.

«Теперь ей было бы очень тяжело», — подумал он и тотчас оборвал себя, потому что это была оборотная сторона мысли о том, как хорошо, что мать умерла.

«Это все эгоизм», — рассуждал он, тверже и словно бы злее шагая. — Просто мне было бы сейчас невозможно, если бы прибавилась тревога за мать. (Он снова перебил себя.) Ах, что за чушь! Мне было бы легче, если б она жила. Несравненно легче. Мать взяла бы на себя всю заботу о Наде. Воспитала же она ее одна! Хотя нет, она никогда с этим не соглашалась.

Решалась судьба каждого жителя земли. Но мода есть мода. Мальчики и девочки. Не нохавшие пороха, надели пижонские макинтоши с кокетливыми погончиками — фетончиками. Пустоголовая мода преследовала настоящую жизнь, обезьяничая с нее и пародировав равно и горе, и радость.

Теперь уже мы можем кое в чем помочь американцам. Но это тоже остается незамеченным для пижонов. Новое поколение пижонов склонилось над раскрашенной картинкой.

«Made in заграница», как заклинило, заворочило их.

«Атомный век» — наименование знаменательного времени — пижоны сочили за предлог для новых причесок и модного таза.

Век атома родился у нас. Немец выдумал обезьяну, американец выдумал кинозвезду, а мы ничего не выдумывали. Мы взяли атом, расщепили его без хиромического треска и заставили работать, чтобы каждая звезда была отмечена клеймом «made in заграница».

Необходимо, чтобы на старой Луне появились импортный штемпель. Необходимо, чтобы Дева из одноименного созвездия объявила, что отныне носит модный бюстальтер, а Орион переменяет свой устаревший пояс на пояс «хула-хуп». Необходимо, чтобы настоящие звезды брали пример с кинозвезд.

Иным отечественным мальчикам и девочкам неинтересно смотреть на небо. Им интересно, сдвигая друг друга лбы, наваливаясь на заграничную картинку, на которой атомная красавица показывает тридцать два зуба и две ноги — величайшее достижение человечества.

Подобно тому, как немец выдумал обезьяну, американец выдумал кинозвезду. Надо сказать, что, кроме кинозвезды, американец выдумал также конвейер. Но это прошло как-то незамеченным. В то время, когда американские инженеры помогали нам строить Днепростанцию и сталинградский Тракторный завод, ныне уже забывшиеся мальчики и девочки носили брюки чарльстон. Такова была заграничная мода.

Потом наступило время, когда миллионы сапог месили кровавую глину и двадцать, и тридцать, а иногда и сорок новых советских граждан, а в ясли они не все могут понасть.

Обычные ясленки в городе: счастливые родители ждут очереди, чтобы определить в ясли свое чадо, — у мамы есть специальность, она хочет трудиться, а не сидеть дома в качестве домохозяйки. Увы, свободного места в яслях приходится ждать два-три года. Когда, наконец, приходит очередь, то выясняется, что малышка пора определять уже не в ясли, а в детский сад. Однако детские сады в городе не больше, чем ясли. Чтобы понасть в детский сад, нужно также ждать очереди, потому что места заполняются ребятами, которым не повезло раньше понасть в ясли. Так и ждут папа и мама своего чада, пока ребенок не подрастет настолько, что идет прямо в школу.

Школа, слава богу, в Ангарске хватает на всех. На жалобы, поступающие от жителей Ангарска, областные работники обычно отвечают: — Товарищи, в прошлом году вы построили 13 детских садов. В Иркутске за это время построено всего 5. Побойтесь бога, куда вы еще?

Но жители Ангарска знают: бога нет, и они не желают считаться с нормами. Они малыши, счастливые: они влюбляются вопреки плановым развлекаткам, женятся и рожают детей.

И, честное слово, совсем не плохо, что они именно так и делают. Какими бы нормами градостроительства ни руководствовались проектировщики, видно, им придется все же пойти на то, чтобы удовлетворить потребности жителей Ангарска в детских яслях и детских садах.

Пусть побольше маленьких сибиряков рождается в новом городе Ангарске! Это для них протоптавали путь поколения русских революционеров.

Иркутск

Его голова горела, он ничего не мог сказать, а только пожал плечами и со странной, мерцающей улыбкой глядел на мать.

— Ты обманулся, Кирилл. Но сам ведь ты никого не обманывал. Это главное, — сказала она.

Лицо ее уже прояснилось, и чуть-чуть выступившие слезы жарче осветили взгляд.

— Аночка еще не знает? — спросила она. — Я скажу ей завтра. — Конечно, в письме этого не опишешь, — рассудительно сказала мать. — А переждать нам с тобой не привыкать. — Не в переезде дело. — А в чем? В работе? Пользу людям ты делал на всякой работе. — Он не ответил и встал. Она озабоченно потрогала посуду у ужином: — Все остыло, Я подогрелю. — Оста, я не хочу. Принеси мне, пожалуйста, чаю. — Он пошел к себе, но обернулся и почти с веселой усмешкой сказал: — Я, мама, все-таки дам в твой заветный архив кое-какие планы жилых домов. Теперь ведь я — по коммунальной части.

Мать хорошо знала его снуд, но знала также, что любая сила питается своими источниками, а неисчерпаемых источников нет. Их должно быть поэтому много. И она щедро расходовала себя на семью сына и на него самого. Она была лоном ключа, чистого, неприязнательного, как все в природе: ни разу в жизни Кирилл не заметил, чтоб она чем-нибудь таготилялась.

«Теперь ей было бы очень тяжело», — подумал он и тотчас оборвал себя, потому что это была оборотная сторона мысли о том, как хорошо, что мать умерла.

«Это все эгоизм», — рассуждал он, тверже и словно бы злее шагая. — Просто мне было бы сейчас невозможно, если бы прибавилась тревога за мать. (Он снова перебил себя.) Ах, что за чушь! Мне было бы легче, если б она жила. Несравненно легче. Мать взяла бы на себя всю заботу о Наде. Воспитала же она ее одна! Хотя нет, она никогда с этим не соглашалась.

Она была уверена, что Надя воспитывалась всей семьей. Всей семьей? Но Аночка, дай бог, чтоб месяца три в году жила дома!

— Ничего не значит, — когда-то возразила мать Кириллу. — Если Аночка сумела к себе вунзить Наде любовь и уважение, значит, она настоящая воспитательница. Такому семье, как наша, в любое время назвали бы благополучной. Ты недостаточно придаешь значения семье.

Кирилл не придавал значения семье! Да если бы у него нашлось иное слово, разве повторил бы он про себя в счастливую минуту полудушную и отградно — «благополучная семья»?

...Вдруг мелькнула в его памяти очень давняя картина. Он втроем — мать, Аночка и он. Квартира в Сорбове, распахнутые окна, прикрывшие ставни и джукета иона. Это было в последнюю Нижегородскую ярмарку. Кирилл только что вступил на пристани жену. Она привезла с собой в кувшине необыятный букет пионов: кончился сезон, и театральные товарищи пышно проводили ее домой. Она перебралась на столе тяжелые — не уместить в пригоршне — осыпавшиеся шапки цветов, расставляла их по вазам. Пол претрел розовыми, белыми, несколько-красными лепестками, воздух стал душно-сладом. Она смеялась, спрашивала обо всем, что вертелось на уме, недослушивала ответов, начинала рассказывать о себе, перебила себя новыми воспоминаниями:

— Ну, а что у тебя, Кирилл? Впрочем, ладно, можешь не говорить! Все знаю, все читала! (Она заговорила тоном радиорепортера.) Основные восстановительные работы по волюжскому судостроительному заводу закончены. Заложены современные типы теплоходы. Вводятся новые производственные мощности... Нет, это невыносимо! Откуда, Кирилл, откуда этот язык? Представь, я говорю со сцены: «Накими вы, товарищ инженер, располагаете мощностями?»

Оторвавшись от цветов, она делала враждебные пассы, охватывая руками все больше пространства и считая: «Две мощности... пять мощностей — что это такое?» Потом неожиданно останавливалась:

В порядке обмена, не импорта, а обмена, к нам прибыла выставка с таким «Made in заграница», который всегда сбивал их с ног, как удар ладки. Я не собираюсь писать об этой выставке — о ней уже написано достаточно много. У всем известно, как наш посетитель искренне искал на ней то, чем знаменита в его глазах Америка, — высокую технику. У всем известно, что советского человека нельзя удивить ни яркой этикеткой, ни пестрой премешушкой. Он уже взрослый. Массовый посетитель сразу понял, что его вынуждают удивлять. Массовый посетитель говорил об этом настолько громко, что гиду предпочли спрятать книги асторгов и пожеланий.

Но все-таки мне хочется поделиться с читателями кое-какими наблюдениями. Это было не в галерее прекрасных фотографий и не у стенда первоклассных машин. Это было возле стойки, где уощають пейзажи-колы. Румяные девушки нажимали кнопки и подавали посетителям сенсационный напиток. Девушки были нашими, советскими продавщицами. Их пригласили работать на выставке.

— Зачем вам стананчик? — брезгливо спросила одна из них у посетителя, который, выпив заморский нектар, решил оставить у себя бумажный парафинированный сувенир.

Он и сам не знал зачем. Но на стананчике было написано «Made in заграница». И это определило его вкус.

Жадные руки пижонов тянутся в корзину с жетонами. Зачем? Но ведь жетон это — «Made in заграница». Вдруг не хватит! Как тогда жить на свете? Что покажут знакомым? Чем похвастать?

Вы знаете, как наши люди смотрят на пижонов. Они их точно выделают и отмечают соответствующим взглядом. Так вот два юных пижона, он и она, ходили и ахали:

— Вот живут! И машины у них, и перлон, и нейлон...

Они зачарованно ахали перед всем и унизиливо заглядывали в глаза гиду. Потом, вдоволь нахавшись, прихватив стопку бумажных стананчиков из-под пейс-колы и две дольки жетон, они, эти обездоленные, шли в свою собственную машину и уехали.

Пустоголовая сенсация мучит иные души. Она вышибает из них остатки того, что высоким стилем называется гражданским достоинством, а в разговорном языке выражается фразой: «Советь надо иметь!».

И пора заняться всерьез кружевами холостства, которые некоторые граждане с ликованием надевают на свои шеи при виде этого самого «Made in заграница».

Холуйское угодничанье и широкое гостеприимство — вещи разные.

«Made in заграница», как сенсация, уже погибла. Ее горько оплакивают пижоны и полбные всех званий и рангов. Они доселе пытаются оттолкнуть локтем советского гражданина, чтобы дать дорогу иностранцу. Пусть они прижмут свои локти к себе. Советский гражданин достаточно выжлив, чтобы уступить дорогу. Он достаточно гостеприимен, чтобы сделать пребывание гостя приятным и полезным. И он достаточно самолюбив, чтобы смотреть на отечественных пижонов с тем же недоумленным презрением, с каким смотрят на них наиболее умные туристы.

И не надо делать из своих синих вензеля. Ничего не происходит. В великую страну, строящую коммунизм, приехал гость. Добро пожаловать! Как говорится, и у вас есть кое-что, и у нас есть кое-что...

А дураки растут всюду, во всех странах, их, как известно, не сеют.

А вот жалеть их нужно. И как можно чаще. Особенно в тех местах, где они распоряжаются мероприятиями по гостеприимству.

Это произведет глубокое впечатление и на гостей, и на пижонов, и на рядового советского человека, которому не занимают чувства собственного достоинства.

Леонид ЛИХОДЕЕВ
Рисунки автора

ВМЕСТЕ С ТЕАТРОМ

Режиссер: Где же до-
стать пьесу? До начала
сезона осталось не
больше месяца, а пьесы
сы все нет. Я сойду с
ума...

Директор (выбегая из-за кулис): Кажется вы сказали что-то о пьесе? Вы нашли ее? Где? Какую? Это же счастье!

Режиссеры, актеры, художники, администраторы (появляются из-за всех кулис, говорят наперебой): Нашли пьесу! Вы слышали, они нашли пьесу! Да нет, это слухи. Пьесы не было и нет. Как нет? Тогда мы погибли! Без новой пьесы нельзя начать сезон...

Редактор журнала «Театр» (снимающий, поднимается из партера прямо на сцену): Из-за чего такое волнение, товарищи? Вам нужна пьеса? Пожалуйста! Просмотрите восьмой номер нашего журнала «Театр», там их три!

Заметки о журналах

Действительно, в восьмом номере журнала «Театр» напечатаны сразу три пьесы на современную тему! Об одной из них уже писали (см. «Литературную газету» № 94). Это комедия Анатолия Софронова «Стрелуха». В чтении она ничто не проиграла по сравнению со спектаклем Театра имени Вахтангова. Ее неопороченно достоинство — верное чувство жизни, подлинность бытовых обстановки, характерность языка. В этой пьесе — наши современники, те, кого давно ждут театральные подмостки. И хотя веселая комедия Софронова не претендует на раскрытие глубинных процессов жизни и сложных моральных проблем, можно предсказать ей успех в театрах, соскучившихся по современной бытовой комедии.

Трагикомедия Алексея Арбузова «Двенадцатый час» возвращает нас к давним дням социалистической эры. Собственно перед нами даже не столько начало нового мира, сколько конец старого. «Двенадцатый час» — это последний час эпической буржуазии, последний час капиталистической нечисти, окончательно уходящей в небывшие. Впрочем, в прошлое свое обращение не только тематически. Страстные раздумья о новом человеке, непримиримая ненависть к морали собственников, растлевающая души, убивающая искусство, обесценивающая таланты, составляют сущность этой своеобразной и эмоционально щедрой пьесы.

Талант Ал. Арбузова раскрывается в ней по-новому. Сдержанный, мужественный лиризм, присущий лучшим страницам его прошлых пьес, обогащается здесь художественным исканием, как и в таких же знаменитых «Дальняя дорога», «Годы странствий». Драма-тур назвала свою пьесу трагикомедией. Внутренняя двойственность этого определения точно отражает стилистическую многослойность пьесы. Ее драматизм осложнен ироничностью, лирика незаметно переходит в пародию, смешное братски соседствует с трогательным, а иногда и страшным.

К пьесе Арбузова критики вернутся еще не раз. Хорошо, чтобы они сделали это еще до ее театральных воплощений. Самая сложность пьесы делает такую помощь критики театрам в высшей степени желательной.

Частой гостьей театрально-критических статей бывает статья и комедия Александра Штейна «Весенние скрипки». В ней тоже есть свой художественный секрет, который необходимо разга-

Памятник Пушкину в Ростове

Ростовчане бережно хранят память о писателях, которые жили здесь, трудясь или останавливаясь проездом. Мемориальные доски установлены в порту, где работал грузинком М. Горький, на здании, в котором выступал В. Маяковский, на доме, в котором А. Фадеев писал свой «Разгром».

Одна из красивейших магистралей города носит имя Пушкина. На этой зеленой, как парк, улице открыт памятник великому поэту.

К подножию памятника, созданного скульптором Г. Шульцем и архитектором А. Минкусом, возложены живые цветы — дань глубочайшего уважения великому поэту.

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корресп.)

датель театрам. В самом деле, при поверхностном подходе «Весенние скрипки» могут показаться просто шуточной, в лучшем случае — занятием жанровой картинкой. А между тем задача автора состояла в том, чтобы показать, как, поставленные перед необходимостью изменить свой привычный бытовой уклад, персонажи пьесы обнаруживают свою истинную цену. Раскрыть эти внутренние моральные коллизии — значит раскрыть ту главную тему, которую должны сыграть штеинские «весенние скрипки» и которую они играют, может быть, слишком уж под сурдинку.

Итак, три современные комедии в одном номере журнала. Великодушная щедрость! Она стала возможной только потому, что редакция журнала «Театр» упорно и систематически, из номера в номер, ведет борьбу за театральные репертуар, собирая вокруг себя лучшие драматургические силы.

Не случайно ведь, что именно в этом журнале были напечатаны почти все лучшие пьесы прошлого сезона. Иди вместе с театром — в этом журнале видит свою главную задачу. Вот и в восьмом номере мы находим статьи, умеющие подымать насущные и до сих пор не решенные вопросы театрального дела. Это статья В. Покаржевского о принципах комплектования театральных трупп и статья Г. Литинского — об организационном и творческом опыте Владимирского театра, содержащая ряд полезных, по-настоящему практических советов, к которым с пользой для себя прислушаются театральные работники далеко не одного Владимирского театра.

Хуже в этом номере обстоит дело с критикой конкретных спектаклей и режиссеров. На эту тему в номере есть только несколько рецензий. И хотя многие из них и содержат ценные замечания, рецензия Р. Кречетовой на спектакль Московского театра имени Ленинского комсомола «Связанными глазами», все же острый отклик на живую практику театров страны в журнале очень недостаёт: слишком уж они случайны, эпизодичны. Нет в этом номере ни одной статьи с широким тематическим охватом, публицистически нацеленной, нет ни одной попытки теоретически осмыслить итоги закончившегося сезона. Только одна статья признаёт свежесть наблюдений, самостоятельную концепцию, не беспорядочных, но интересных, новых. Это статья Е. Холодовой «Действующие лица».

Но, к сожалению, еще встречаются статьи и рецензии, авторы которых движимы не желанием объективно оценить произведение, разобраться в нем. Их метод — это большей частью подгонка под «показательство» заранее придуманных ими мнимых ошибок, жарганами, прочетов. В интересах советской литературы — не проходить мимо подобных эпизодов, а давать им соответствующую оценку; тогда мы окончательно избавимся от такого рода явлений. Именно потому заслуживает отклика рецензия В. Каминского о книге Б. Мейлаха «В поисках литературы и эстетики» («Нева», № 4). В Каминский, пользуясь недобросовестными приемами, приписывает Б. Мейлаху не свойственные ему взгляды, оскорбительные для советского литературоведа. Мы вовсе не думаем регламентировать какие бы то ни было критические оценки; по поводу литературного произведения могут высказываться разные мнения. Когда книга Б. Мейлаха обсуждалась на собрании критиков и литературоведов в Ленинграде, выступавшие, подчеркивая ее ценность, методологическую остроту, присущее ей сочетание идейного и эстетического анализа художественного творчества, вместе с тем спорили с автором по некоторым вопросам, говорили об отдельных неточностях. Ценность книги, которая «справливо освещает ряд актуальных проблем литературной науки и эстетики», книги, направленной против ревизионистских «теорий» в эстетике, отмечает и рецензия, напечатанная в № 6 «Звезда».

В Каминский утверждает, что Б. Мейлах принижает «капос русской классической и в том более советской литературы». Мотивирует Каминский это серьезное обвинение тем, что Б. Мейлах свел эстетический идеал к системе оценок и оставил в стороне образ положительного ге-

рою. Между тем в статье, о которой идет речь («Об эстетическом идеале и эстетической оценке в художественной литературе»), сказано прямо, что «главным героем советской литературы является положительный герой». Заявляя, что русские писатели «раскрыли в чудесных образах богатство духовного облика народа, его свободолюбие, патристическую самоотверженность, восприняли типические черты русского национального характера», Мейлах ссылается на положительные герои русской классической и советской литературы (стр. 167, 172, 177, 179—180, 184, 187—190 и др.). Наряду с этим он показывает, что даже в тех произведениях русских классиков, где изображались отрицательные явления действительности, выражалась «при помощи средств критерия прекрасного, ибо все великие представители реализма прошлого были отрицателями во имя идеала». Все это свидетельствует о верной постановке вопроса.

Столь же ложны попытки рецензента приписать Б. Мейлаху формализм и субъективизм, критику тех русских, западноевропейских и американских авторов, которые игнорировали роль мировоззрения художника, сводят поэтические средства к формальным приемам, объясняют их идеалистически и т. д. (см. стр. 194—198, 207, 209—210, 211—212 и др.). Б. Мейлах рассматривает метафору как одно из познавательных средств, помогающих поэту раскрыть сущность изображаемого. Он показывает, что в зависимости от мировоззрения и художественного метода поэта метафора может в одних случаях вести к субъективизму, «отлету от жизни», а в других — к познавательной, живописно-яркой картине. Замечая все это, Каминский, по существу, обвиняет автора в идеализме, утверждая, что для него основой метафоры является будто бы только момент субъективной оценки! Далее, желая во что бы то ни стало уверить читателя, что Б. Мейлах — формалист, он говорит, что для автора книги характерно утверждение качественного отличия поэтического язы-

ка от обычной разговорной речи. В книге же сказано совсем другое: «самый принцип образования метафоры... является, конечно, единым и в поэтической, и в «практической» речи»; «метафора поэтической речи, наряду с общезыковыми, несет в себе и особые функции, включающие ее в структуру художественного образа».

Охваченный все тем же стремлением убедить читателя в идеалистическом подходе автора книги к пониманию основ творчества, Каминский утверждает, что «первоосновой» и «импульсом» художественного новаторства Пушкина Мейлах считает «энергию оценки». А вот что можно прочесть в книге: «Первоосновными образцами в его (Пушкина) стихах всегда являются импульсы, которые, точно электрические токи, идут от самой действительности, от объекта». Вырывая из этой фразы слова «первооснова» и «импульсы», Каминский сочинил фразу, которой в книге нет. Об основе же новаторства Пушкина Мейлах пишет: «Великим открытием Пушкина и было открытие действительности во всем ее многообразии, как источника и материала поэтического творчества». Каминский утверждает, что Б. Мейлах сблизает декадентов с пушкинскими традициями, тогда как в книге говорится о полной враждебности декадентов Пушкину.

На что рассчитывал Каминский? По-видимому, он полагал, что слишком сложно сверять его сочинение с тем, что есть на самом деле в рецензируемой книге: попытка разобраться в том, как склеена Каминским фраза из слов, принадлежащих к разным абзацам критикуемой книги!

Писать таким методом рецензию в наше время — дело, конечно, рискованное. Но на случай конфуза в рецензии приписана и «конфета»: называется рецензия «Боевое оружие» (хотя и показывает обратное), заявлено в ней, что «не вызывает сомнения значительность большинства из выдвинутых в книге вопросов» и т. д. Есть и оговорки, и даже комментариальные словечки (например, «независимая аргументация»).

Методы, которыми действует в своей рецензии Каминский, способны принести литературе прямой вред, мешая активизации творческой работы, изучению проблем художественной формы и мастерства, важность которой так энергично подчеркивал на последних съездах писателей.

Г. МАКОГОНЕНКО,
В. ОРЛОВ,
И. ЭВЕНТОВ

У нас в Норильске
Писатели знакомятся с жизнью предприятий, встречаются со своими читателями, выступают на балу рабочей молодежи, на открытии стадиона, по телевидению. И уж, конечно, одна из встреч была посвящена школьникам: дети рабочих и инженеров Норильского горнометаллургического комбината слушали новые стихи, басни и рассказы писателей.
В городском театре был устроен большой литературный вечер, весь сбор с которого поступил в фонд мира.
Идем к себе в гости и других писателей и мастеров искусства!
В. ВЕНГЕРОВ,
директор Норильского заводского драматического театра.
НА СНИМКЕ: Сергей Михалков и Анатолий Алексин среди юных читателей Норильска.

Недопустимые приемы

КРИТИКА, роль которой в борьбе за идейную чистоту литературы и художественное мастерство столь велика, должна быть принципиальной, страстной и доброжелательной. Достижения литературоведения и критики несомненны. Критика все более становится, при многих ее недостатках, критикой творческой, сочетающей строгую принципиальность с доброжелательным, чутким отношением к нашим литераторам. Еще и еще раз оправдываются слова В. Полежаева, сказанные на Втором съезде писателей: «...оглобляю как орудие критики пора бы сдать на хранение в Литературный музей, как некий анахронизм, совершенно чуждый и вредный в условиях советской литературы».

Но, к сожалению, еще встречаются статьи и рецензии, авторы которых движимы не желанием объективно оценить произведение, разобраться в нем. Их метод — это большей частью подгонка под «показательство» заранее придуманных ими мнимых ошибок, жарганами, прочетов. В интересах советской литературы — не проходить мимо подобных эпизодов, а давать им соответствующую оценку; тогда мы окончательно избавимся от такого рода явлений. Именно потому заслуживает отклика рецензия В. Каминского о книге Б. Мейлаха «В поисках литературы и эстетики» («Нева», № 4). В Каминский, пользуясь недобросовестными приемами, приписывает Б. Мейлаху не свойственные ему взгляды, оскорбительные для советского литературоведа. Мы вовсе не думаем регламентировать какие бы то ни было критические оценки; по поводу литературного произведения могут высказываться разные мнения. Когда книга Б. Мейлаха обсуждалась на собрании критиков и литературоведов в Ленинграде, выступавшие, подчеркивая ее ценность, методологическую остроту, присущее ей сочетание идейного и эстетического анализа художественного творчества, вместе с тем спорили с автором по некоторым вопросам, говорили об отдельных неточностях. Ценность книги, которая «справливо освещает ряд актуальных проблем литературной науки и эстетики», книги, направленной против ревизионистских «теорий» в эстетике, отмечает и рецензия, напечатанная в № 6 «Звезда».

В Каминский утверждает, что Б. Мейлах принижает «капос русской классической и в том более советской литературы». Мотивирует Каминский это серьезное обвинение тем, что Б. Мейлах свел эстетический идеал к системе оценок и оставил в стороне образ положительного ге-

рою. Между тем в статье, о которой идет речь («Об эстетическом идеале и эстетической оценке в художественной литературе»), сказано прямо, что «главным героем советской литературы является положительный герой». Заявляя, что русские писатели «раскрыли в чудесных образах богатство духовного облика народа, его свободолюбие, патристическую самоотверженность, восприняли типические черты русского национального характера», Мейлах ссылается на положительные герои русской классической и советской литературы (стр. 167, 172, 177, 179—180, 184, 187—190 и др.). Наряду с этим он показывает, что даже в тех произведениях русских классиков, где изображались отрицательные явления действительности, выражалась «при помощи средств критерия прекрасного, ибо все великие представители реализма прошлого были отрицателями во имя идеала». Все это свидетельствует о верной постановке вопроса.

Столь же ложны попытки рецензента приписать Б. Мейлаху формализм и субъективизм, критику тех русских, западноевропейских и американских авторов, которые игнорировали роль мировоззрения художника, сводят поэтические средства к формальным приемам, объясняют их идеалистически и т. д. (см. стр. 194—198, 207, 209—210, 211—212 и др.). Б. Мейлах рассматривает метафору как одно из познавательных средств, помогающих поэту раскрыть сущность изображаемого. Он показывает, что в зависимости от мировоззрения и художественного метода поэта метафора может в одних случаях вести к субъективизму, «отлету от жизни», а в других — к познавательной, живописно-яркой картине. Замечая все это, Каминский, по существу, обвиняет автора в идеализме, утверждая, что для него основой метафоры является будто бы только момент субъективной оценки! Далее, желая во что бы то ни стало уверить читателя, что Б. Мейлах — формалист, он говорит, что для автора книги характерно утверждение качественного отличия поэтического язы-

ка от обычной разговорной речи. В книге же сказано совсем другое: «самый принцип образования метафоры... является, конечно, единым и в поэтической, и в «практической» речи»; «метафора поэтической речи, наряду с общезыковыми, несет в себе и особые функции, включающие ее в структуру художественного образа».

Охваченный все тем же стремлением убедить читателя в идеалистическом подходе автора книги к пониманию основ творчества, Каминский утверждает, что «первоосновой» и «импульсом» художественного новаторства Пушкина Мейлах считает «энергию оценки». А вот что можно прочесть в книге: «Первоосновными образцами в его (Пушкина) стихах всегда являются импульсы, которые, точно электрические токи, идут от самой действительности, от объекта». Вырывая из этой фразы слова «первооснова» и «импульсы», Каминский сочинил фразу, которой в книге нет. Об основе же новаторства Пушкина Мейлах пишет: «Великим открытием Пушкина и было открытие действительности во всем ее многообразии, как источника и материала поэтического творчества». Каминский утверждает, что Б. Мейлах сблизает декадентов с пушкинскими традициями, тогда как в книге говорится о полной враждебности декадентов Пушкину.

На что рассчитывал Каминский? По-видимому, он полагал, что слишком сложно сверять его сочинение с тем, что есть на самом деле в рецензируемой книге: попытка разобраться в том, как склеена Каминским фраза из слов, принадлежащих к разным абзацам критикуемой книги!

Писать таким методом рецензию в наше время — дело, конечно, рискованное. Но на случай конфуза в рецензии приписана и «конфета»: называется рецензия «Боевое оружие» (хотя и показывает обратное), заявлено в ней, что «не вызывает сомнения значительность большинства из выдвинутых в книге вопросов» и т. д. Есть и оговорки, и даже комментариальные словечки (например, «независимая аргументация»).

Методы, которыми действует в своей рецензии Каминский, способны принести литературе прямой вред, мешая активизации творческой работы, изучению проблем художественной формы и мастерства, важность которой так энергично подчеркивал на последних съездах писателей.

Г. МАКОГОНЕНКО,
В. ОРЛОВ,
И. ЭВЕНТОВ

ПУТИ ХУДОЖНИКОВ, СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

средственный масштаб событий, огромные массовые сцены; он может показать мир с высоты птичьего полета. Это — драгоценное свойство кино. Есть и другое — не менее значительное: пристальность взгляда, приближенного к лицу человека. Исследуя крохотное пространство душевной жизни, художник может видеть в нем отражение тех же беспредельных полей истории.

Думая о «Судьбе человека», я радуюсь таланту Сергея Бондарчука, совмещающему эти обе возможности зрения. В фильме они не только применены по отдельности, но и неразрывно связаны. Это раскрывает про солдата и про войну; про человека и про народ. В памяти возникают огромные, полные трагической силы панорамы войны, фантастическая ала, распыляя. Но прежде всего я вспоминаю глаза Бондарчука.

Я уже давно запомнил взгляд этого актера. В «Тарасе Шевченко» была сцена ссылки. Угнанный в солдатскую юбку царской России, немолодой человек, облысевший, со свисающими вниз усами, стоял среди сожженных солнцем степей, муштры, казенной тоски. Он подымал глаза. Аппарат позволял заглянуть в самую глубь темных зрачков. И такое бездонное дно скорби, благородной человеческой скорби, можно было увидеть в его глазах, что и без чтения стихов и объясняющих слов легко было узнать Шевченко — поэта, революционера. Это была не схожесть портретов, но душевное узнавание, драгоценный дар познания сути образа.

И вот опять я вижу глаза Бондарчука. В них — горе, которому нет краев, гнев, мужество. В них — высокая человечность.

Андрей Соколов, написанный Шолоховым, не говорит возвышенных слов: это обычный человек. Но менее всего он зауряден. Что же отличает его: знания, высота мысли, наследие культуры? Нет, он — просто солдат. Но победивший врага не только преимущественно техникой, военным умением и храбростью — совестью.

С. Бондарчук показал своей первой режиссерской работой кинематографическое мастерство, — в этом фильме оно достаточно зрело, — благородство взгляда на жизнь. Это — благородный фильм. Его делал художник, который не только выбрал хороший материал, но и сам выстрадал каждое положение истории, которую он воспроизводит. Здесь тяжело дался каждый кадр, каждое положение. И дело не в производственных сложностях. Нет, за этой судьбой — история народа и художника здесь все — родное. И бесконечно трудное, потому что это величайшая лояль-

изображение — война при помощи стальной парадной песни, Эрнстеских шуточек.

В предисловии к «Герою нашего времени» Лермонтов писал: «Довольно людей кормили сластями... нужны горькие лекарства...» Немало сластей выбрасывается на международный рынок. Фильмы выработываются в отбеганной форме, приправляются лучшими специями. Элегантные сказочки о легком существовании, о кратком пути к счастью конуны сходат с европейскими и американскими конвейерами. Я рад, что среди этих паточных изделий появились такие ровные до жестокости картины, как «Ночи Кабрины» и «Мы — вундеркинды». Я рад, что на западных экранах появится фильм, где пойдет по разбитой военной дороге немолодой человек в ватнике и стоптанных сапогах, пойдет, ведя за руку ребенка. И они пойдут вдвоем, как память о войне, о победе.

Я принадлежу к старшему поколению советской кинематографии. Мы пришли в двадцатые годы на еще не устроенные студии, где углы падали из осветительных приборов, обжигая актеров. Я помню первые просмотры «Полтемина». «Матери». И мне радостно, что лучшие традиции советской кинематографии — не приемы монтажа и композиции кадра, но глубина мысли и страсть художника, говорящего о жизни, — продолжались в «Судьбе человека».

Три лица: девочка с итальянской окраской, немецкий журналист, русский солдат. Различные пути этих людей, и несхожие дарования кинематографов, как несхожи и их жизненные позиции. Действительность, идеи, способы выражения — все иное. Но есть и общая черта: ответственность художника, стремление дать людям свет и тепло. Именно эта цель высказана девизом фестиваля: «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами».

Выходя из кинотеатра, где шли «Судьба человека», «Мы — вундеркинды», «Ночи Кабрины», я подымал глаза и видел развешенный над фестивалем флаг искусства.

Его не приходилось опускать.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Книжки по литературоведению

Абрамкин В. и Лурье А. Творчество Виктора Савина. Ленинград, 1959 стр. 530 экз. 3 руб. 10 коп.

Берковский М. Алексей Погорелов. Кинто-биографический очерк. Пермское книжное издательство, 202 стр. 2000 экз. 3 руб. 20 коп.

Гуновский Г. Реализм Гоголя. Гослитиздат, 531 стр. 2000 экз. 12 руб. 90 коп.

Дискин И. В. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. Гослитиздат, 479 стр. 2000 экз. 12 руб. 45 коп.

Ермилов В. Гений Гоголя. Издательство «Советский Россия», 408 стр. 75000 экз. 11 руб. 25 коп.

Лев Николаевич Толстой. Сборник статей по творчеству. Сб. 2. 3000 экз. 2 руб. 25 коп.

Молдавский Д. Поэзия Александра Пушкина. Ленинград, 118 стр. 3000 экз. 2 руб. 25 коп.

Нусинов И. История литературного героя. Гослитиздат, 351 стр. 10000 экз. 13 руб. 20 коп.

Проблемы социалистического реализма. Сборник статей. Издательство ВПШ и Академии общественных наук при ЦК КПСС. 520 стр. 5500 экз. 17 руб. 65 коп.

Соколова И. и Бочаров А. Вилле Лансе. Очерк творчества. Гослитиздат, 195 стр. 10000 экз. 5 руб. 65 коп.

Озвонский Ю. Мансиан Горький и его драматургия. «Искусство», 779 стр. 10000 экз. 21 руб. 15 коп.

Литературная газета № 101 15 августа 1959 г. 3

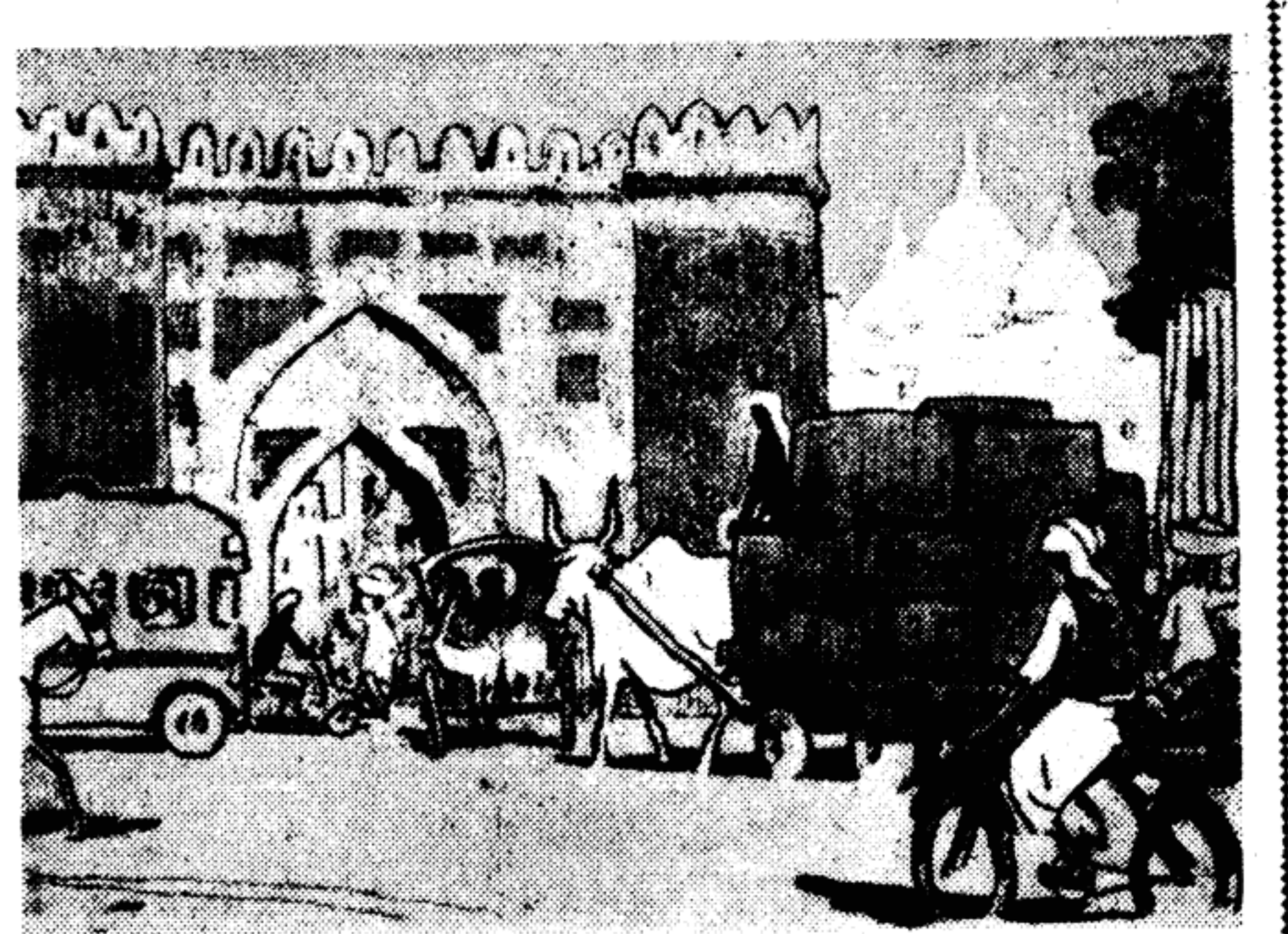
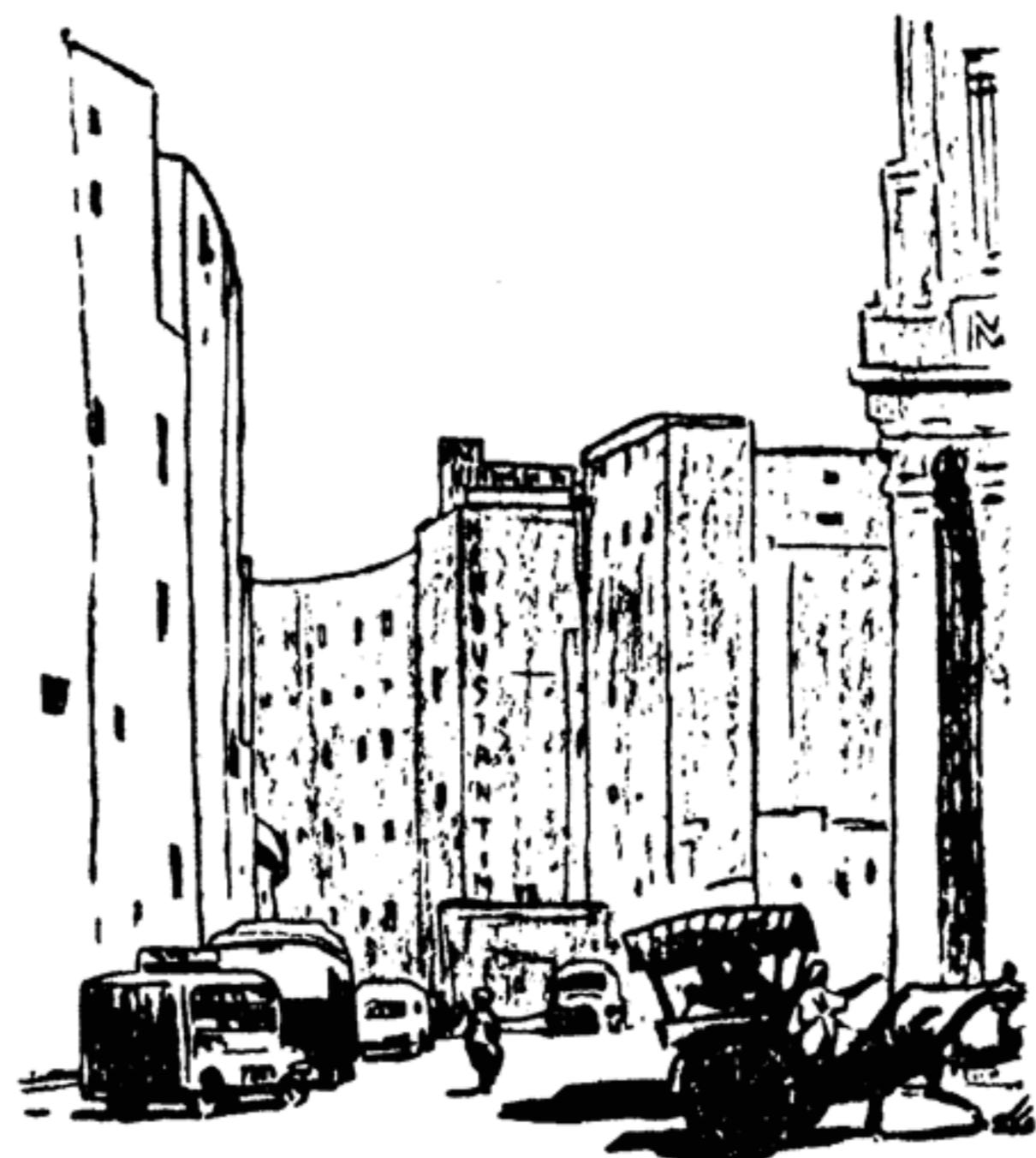
ПРОБЛЕМЫ, ВОЛНУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

НЕТ, ЭТО НЕ В НОГУ С ВРЕМЕНЕМ...

ИЗБАВИТЬ человечество от угрозы атомной войны, избавить навсегда — главная задача государственных деятелей. Это очевидно каждому: на чаше весов — будущее поколений.

и повсеместном прекращении навечно опытных взрывов оружия массового уничтожения. Нет недостатка в доброй воле с нашей стороны: советские представители во многом пошли навстречу Западу.

Сегодня — День независимости Индии

Двенадцать лет назад индийский народ навсегда сбросил иго колониализма и провозгласил свою страну свободной и независимой.

моей жизни, — рассказывает художник, — была творческая поездка в Индию зимой 1957 года.

В дни, когда хочется верить в добрые предзнаменования, особенно горько видеть темные облака на прояснившемся небе.

Опаснейшая игра с огнем ведется не только по океанам. Во Франции настойчиво говорят о предстоящем расширении «атомного клуба» западных держав.

Бидstrup-писатель умно и тактично дополняет Бидstrup-художника. В своем обращении к советскому читателю автор пишет: «Собранные в этом альбоме рисунки являются результатом поездки в 1955 году в Китай».

Мы помещаем здесь две автолитографии художника А. В. Кокорина, взятые из его альбома «По Индии».

Бидstrup в Китае

СОВЕТСКОМУ читателю хорошо знакомо творчество датского художника-карикатуриста Херлуфа Бидstrupа, замечательного мастера всевозможных юмористических рисунков и острой политической сатиры.

Дорогой друг! То, что вы говорите, и верно, и неверно. Мне довелось побывать в Китае через четыре года после вас, и я могу подтвердить, что строики, которые вы зарисовывали, давно закончены, мощные промышленные предприятия уже построены.

Кто в тишине ночной зовет меня? Я открываю дверь — во мне морозной безмолвие глухое ночи звездной, лишь звезды падают, легко звеня.

В ЗАЩИТУ МАНОЛИСА ГЛЕЗОСА

Возмущение растет

В СЯ честная Гречия продолжает борьбу за освобождение Манолиса Глезоса и других греческих демократов. Гневные протесты против судебного приговора, против совершенного беззакония непрерывным потоком текут в адрес правительства Гречии.

Рисунки Херлуфа БИДСТРУПА

Греческие власти думают, что репрессиями, запугиванием и шантажом им удастся подавить всенародное движение. Все чаще в полицейские и жандармерские участки вызывают граждан, подписавших петиции с требованиями освободить Глезоса и других патриотов, отменить фашистский закон № 375.

Следует подчеркнуть, что впечатления Бидstrupа сменяются глубоким и серьезным восприятием художника-коммуниста, рассматривающего явления и вещи в свете их политического значения и внутреннего смысла, и тут нельзя не отметить очень интересный и содержательный литературный текст, которым Бидstrup сопровождается своим рисунком.

Ваша прелесть зарисовки китайских ребят «старели», может быть, только в том смысле, что изображенные вами мальчишки стали старше на четыре года. Но точно такие же очаровательные карапузы возятся, играют и шепчут в парках, садах и двориках китайских городов и сел.

Выдающийся бразильский мыслитель. В 1902 году Кунья опубликовал свое главное произведение — «Сертаны», принесшее автору мировую славу и поставившее его в ряд корифеев бразильской литературы.

Костер

С водоемами, а зимой с катками для ребятшек. — Но коттеджи, наверно, мало экономичны, — перебила Аночка с видом критически мыслящего плановика.

как за два часа не добьются. И жалуются на трудности коммуникаций! Надо перестать кучиться. Тогда и с транспортом будет куда проще. Дело в пропорциях между промышленностью и жилищным строительством.

Ваша прелесть зарисовки китайских ребят «старели», может быть, только в том смысле, что изображенные вами мальчишки стали старше на четыре года.

Ваша прелесть зарисовки китайских ребят «старели», может быть, только в том смысле, что изображенные вами мальчишки стали старше на четыре года.